
Александр КЛОЧКОВ

РАССКАЗЫ

ЧЕЛОВЕК ЧЕЛОВЕКУ — ...

Все кругом, насколько видел глаз, было заснеженным полем, только узкий клин трассы выделялся из унылой бели, стеклянно отблескивая на солнце. Вид пустого бескрайнего пространства навевал тревогу: не хотелось бы сломаться где-нибудь посреди в такой холод. Именно эта мысль, как ни старался Денис не обращать на нее внимания, не давала покоя.

А ведь мужики настойчиво советовали подождать, не ехать, увещевали нехорошим прогнозом и длинным пустынным участком дороги. Но тогда, в чадном, усыпляющем тепле тесной кухоньки, все представлялось простым и совсем нестрашным. Да и не было уже сил терпеть разлуку: и без того Новый год встретил у черта на куличках, а обещал Алене с Варюхой — жене и дочке — поспеть. Кто ж знал, что напарника в этой тьмутаракани аппендицит скрутит. Хорошо еще, с горем пополам, нашли, где прооперировать. Местный эскулап — то ли ветеринар, то ли людской доктор, что осталось до конца не выясненным, — закончив операцию, так и сказал Денису: товарищ его под счастливой звездой родился. Во-первых, они застали врача на месте, а он, какой ни есть, на все ближайшие поселки один-единственный; во-вторых, застали его трезвым, «что тоже фортуна весьма великая», — хохотнул доктор.

И вот пока напарник отлеживался на излечении, Денис решил завершать рейс в одиночку. Ему-то чего куковать? Дело сделано: груз доставлен, деньги за рейс получены в полном объеме. Здесь была последняя на маршруте остановка, и дожидаться выздоровления товарища смысла Денис не видел: через несколько дней сюда от их же конторы придет другой рейс, может, и не один даже, — заберут, если поправится и будет готов к транспортировке.

Вечером перед сном накануне отъезда Денис зашел проведать напарника и попрощаться.

— Может, все же обождат бы? — спросил тот. — Не ближний свет полторы тыщи верст одному-то ломать зимой...

— Ничего, не впервой. А приустану — так остановлюсь, посплю малость. К тому же какой из тебя помощник будет? Да и растрясет тебя в дороге, только хуже станет. Ты уж лучше поправляйся скорее.

Напарник больше ничего не говорил, но было ясно, что рвения Дениса он не одобряет, и тот уже с некоторой горячностью пояснил:

— Не могу я больше! Хочу хотя бы к Рождеству дома оказаться!

— Ладно-ладно, — улыбнулся товарищ, — не заводись. Хозяин — барин, как говорится. Смотри, осторожно только.

Александр Николаевич Клочков родился в 1987 году в Светлограде Ставропольского края. Образование высшее — Военно-морской институт радиозлектроники имени А. С. Попова. В 2020 году в сборнике «Ковчег-Питер» серии Андрея Геласимова «Ковчег» опубликована повесть «Однажды взятый курс» — издательство «Городец», Москва. Живет в Санкт-Петербурге.

С рассветом Денис выехал.

Ехал уже целый день, и за все время лишь две машины повстречалось ему: собрат на «скании» и тертый жизнью МАЗ с «племянником» (дополнительным прицепом). Денис с сочувствием глянул ему вслед в зеркало: не понаслышке знал, что за труд — управлять таким «поездом». Проносясь мимо, водители, как старые знакомые, приветственно взмахивали друг другу рукой: в такой глухомани не то что своему же «бродяге», любой живой душе рад будешь.

Радио давно уже «не ловилось», почти всю последнюю треть рейса, и ровно столько же рация без толку волновала пространство. Изредка лишь сквозь далекий треск, шорох и кашель эфира пробивался голос какого-нибудь коллеги. Музыка, что была взята с собой в записях, за время рейса осточертела, и Денис ехал в тишине.

Ровный шум мотора и огромное, безразличное ко всему белое пространство гипнотизировали, наводили на мысли долгие, неспешные, основательные. Денис, очередной раз очнувшись от них, пошутил над собой: «Пока доедешь — диссертацию по философии сочинишь».

Много всего передумал: и веселого, и грустного. И то, чего не исправить уже, вспомнил, но так, без сожаления и печали, просто повторил в уме, какой урок из этого вынести нужно было. И мечты инвентаризировал. Мечты, они правильными должны быть — не корыстью своего обладателя к жизни вдохновлять, а чем-то более значимым. Такие мечты найти — еще постараться надо.

Между размышлениями Денис походя отмечал движение солнца по небу — единственного его постоянного спутника. Низкое, негреющее, оно тоже делало свой извечный дальнобойный маршрут: желтым тусклым колесом тихонечко катилось слева направо — от утра к ночи. Вот, снизившись до горизонта и чуть ярче вспыхнув, выкатилось прямо на дорогу, и клин ее уперся в него. Солнце не слепило, розоватый свет его был прощальным: тихим и ласковым. Но Денис знал, что эта ласковость — обман: там, за кабиной фуры — только высунься, — стужа проглотит человека, не подавится. И эта стыдливая розовость солнца, и тонкий лампас заката опытному человеку говорили не о красоте природы, а о завтрашнем предстоящем холоде, таком же лютом, как и сегодня.

Тлеющий уголек солнца медленно вплавлялся в ледяной горизонт, и мгновенно темнее становилось вокруг. Свет фар, почти незаметный днем, обозначился впереди мутными желтоватыми пятнами.

Наступил ранний зимний вечер. За ним так же скоро, по-хозяйски уверенно придет черная, непроглядная ночь. Останется только ее пережить, переехать — и здравствуй, родное крыльцо!

Денис улыбнулся, представив долгожданную встречу с семьей, как прижмет к себе своих девчонок: на одной руке будет держать Варьку, она, как всегда, обовьет ручонками его шею; другой крепко обнимет за плечи Алену, ткнется носом ей в макушку, опьянеет от любимого запаха волос...

Денис томно вздохнул и сильнее придавил педаль газа, двумя руками взявшись за руль и чуть подавшись вперед, словно хотел успеть наехать на торчавшую впереди солнечную горбушку.

Проехав так минут двадцать, решил сделать остановку на появившейся просторной обочине, пока еще достаточно видны дорога и его фура на ней — чтобы не искать место для стоянки потом, лучше сейчас перекусить и немного вздремнуть. Если кто и появится, увидят и спокойно объедут.

Он остановил фуру, соблюдая непреложное водительское правило этих суровых мест, не глушил двигатель — не дай бог, не заведешься потом! — переобулся из войлочных тапочек в унты, накинул куртку, шапку и выскочил на улицу.

«У-ух!» — выдохнул Денис, сразу же ощутив на лице множество уколов морозных иголок, быстро застегнулся доверху: не хватало еще простуду схватить к приезду.

Уже через каких-нибудь минуту-две мороз «склеивал» ресницы и ноздри, кушал щеки.

Денис тем не менее хорошенько потянулся и быстро проделал несколько гимнастических движений руками и корпусом. Потом обежал вокруг машины, кузова, заглядывая и под низ, но уже не для разминки. Убедившись, что все в порядке: номера и огни фар видны, все закреплено, закрыто, колеса целы, никаких нехороших звуков не наблюдается, вернулся в кабину.

Снова попав в тепло, невольно передернул плечами. Бодро хлопнув в ладоши, потянулся к сумке с провизией, разложил на сиденье свою нехитрую дорожную снедь. Перекусывая, бесцельно глядя в пустынную даль, с усмешкой подумал о предпринятой мере предосторожности: «Едва ли кто-то появится...»

После еды перебрался в «спальник», завел будильник. Не с руки, конечно, терять время, но усталость брала свое, а к чему приводит пренебрежение ее сигналами, Денису тоже было известно — и на своем, и на чужом опыте. Нужно было хоть немного поспать.

Чай пил уже за рулем, пристроив кружку в держатель на приборной панели. В кабине дальнобойщика все продумано, устроено и обставлено так, как нужно для удобного обихода, все необходимое всегда под рукой. Кабина — дом. Потому и ковры домашние кладут на пол, и обувь уличную снимают, входя; и дорогие сердцу картинки и фотографии родных крепят, и любимое одеяло из дому берут, и порядок внутри поддерживают так же, как дома.

Стало совсем темно, и казалось теперь, что свет фар с трудом толкает перед собой этот густой, плотный мрак, словно стену, — воистину свет боролся с тьмой.

Денис поочередно глянул в боковые окна, в зеркало заднего вида — борьба шла неравная: его фура в этой черной глуши смотрелась жалким светлячком, одинокой и беззащитной, хоть и будила тяжеловесную тишину своим басовитым деловым рыком. «Скорей бы уж проехать...» — который раз мелькнула малодушная мысль.

Уже за полночь в неводе фар вдруг закружились крупные хлопья снега. Они повалили густо, свет, отражаясь в них, стал слепить. Денис перешел на «ближний», включил «противотуманки». Глядя на плавное падение снежинок, подумал: «Потеплело, значит...» «Только сильнее валить не надо, — мысленно обратился он к снегу, — и так уж не видать ни черта за этим покрывалом, еще наносов не хватало...»

Скоро «покрывало» начало выдавать другие узоры: снежные хлопья уменьшились, замелькали быстрее и то заплетались в спирали, то в течение долгих секунд — косо или строго горизонтально — неслись стремительно, неразличимо для глаза, сплошняком.

Денис, тревожась, отметил эти первые порывы ветра: придет пурга — недолго и с дороги сойти. Сонное оцепенение исчезло враз.

Он подобрался на сиденье, подобрался и внутренне, внимательнее стал всматриваться в беснование погоды за стеклом. И без малого не ушел в кювет: от неожиданности слишком вильнул рулем, увидев выскочившего на дорогу человека.

Ругнувшись, не без труда выровнял машину, остановился и перевел дух — фуру еще покачивало от переключений руля. Глянул в зеркало — человек бежал к нему, уже поравнялся с кузовом.

Денис приоткрыл дверь, впустил внутрь студеное дыхание ночи.

— Помоги, друг! — крикнул человек, приблизившись к кабине, снизу вверх глядя на Дениса, закрываясь рукой от ветра.

— Ты чего под колеса бросаешься?! — еще не отойдя, раздраженно крикнул Денис, с издевкой передразнил: — Друг...

— Так четвертый час уже мы торчим здесь! Ты единственный, кто появился, нельзя было пропустить...

- Кто — мы?
- Кореш еще со мной...

Денис внимательнее глянул на остановившего его человека. Это был молодой парень — скуластое лицо, чуть вздернутый широкий нос. Он доверчиво, выжидательно смотрел на Дениса.

- Сломались, что ли?
- Ага, будь она неладна!

— Где встали-то? — спросил Денис, не припоминая никакой крупногабаритной машины.

— Да вон там, в стороне, — махнул рукой парень, указывая куда-то. — Уже и снегом замело. Думали, сгинем тут, к чертям собачим! Подбрось до любого первого населенного пункта, а? А там уж мы кумекать будем, как дальше быть.

Денис задумался, глядя на парня, прикидывая, что можно сделать, — нет, о буксировке в такой ад и думать нечего. Техника безопасности и правила компании запрещали любые подвозки неизвестных лиц, но не бросишь же людей на погибель. Им там в офисах хорошо инструкции сочинять, а сюда бы закинуть, на место вот этих горемык, — не то запели бы... Пока куда-нибудь доедешь, сообщишь, организуешь помощь — уже и спасти некого будет. К тому же Денис пустым идет — рисковать нечем.

— Мы тебе заплатим сколько-нибудь, сговоримся, — пообещал парень, видя его колебания.

— Не в этом дело... — буркнул Денис, хмурясь оттого, что размышления его были восприняты как расчет наживы.

Он порылся в дверном кармане. Из прочего имущества, что там было, выудил фонарик, протянул парню.

- Дуй за корешем.
- Вот спасибочки! — обрадовался парень. — Я мигом!

Он быстро отбежал, проткнув ночь фонарным лучом.

Денис в зеркале, в блуждающем свете фонаря, увидел контуры сугроба, скрывшего машину бедолаг. Это, судя по обводам сугроба, был какой-то малый внедорожник.

Минут через пять показались в зеркале неожиданные гости, парень помогал товарищу идти. Когда он открыл пассажирскую дверь, Денис спросил, глянув на его друга:

- Замерзать начал?
- Черт его знает. Наверно. Ослаб ни с того ни с сего.

Парень снизу поддерживал, подталкивал друга, Денис потянулся, тоже стал помогать. Справившись с товарищем, парень ловко поднялся в кабину, перебрался через обессилевшего друга и закрыл дверь. Оба они тяжело и блаженно отвалились на сиденье.

Денис дал газ. Взревев, фура тронулась.

Попутчики приходили в себя. Денис глянул на второго мужчину. Тот, откинувшись на подголовник, прикрыл глаза. Сбоку, в полутьме кабины, рассмотреть его лицо было трудно. Денис видел только, что оно очень бледно, а впалые щеки заросли щетиной недельной давности. Отметил, что мужчина гораздо старше товарища.

Парень, отдышавшись, стащил с головы свою меховую шапку, ее же нутром протер мокрое от снега лицо, расстегнул куртку, с улыбкой повернулся к Денису:

- Находили мы тебе, уж извини.
- Ничего, печка хорошая — быстро нагреет.

Парень вернул фонарик, обернулся назад, к задернутым шторкам лежанки.

— Напарника твоего побеспокоили, наверное? — спросил он заметно тише, предполагая, что тот отдыхает.

— Я один еду.

Парень, несколько секунд помолчав, вдруг хохотнул, воскликнул:

— Ох, и угораздило же нас вляпаться, ядрен батон!

Он снова посмотрел на Дениса, радуясь подвернувшейся в виде него удаче. Хорошо смотрел, весело, заразительно. Денис улыбнулся в ответ.

— Еще и погодка, растудыть ее! — добавил парень, глядя на расторопно мечущиеся по стеклу «дворники». — Натурально, замело бы так, что до лета не сыскали б. Мы уж было собрались пешком топтать вдоль дороги.

— Замерзли бы, — категорично ответил на это Денис.

— А что делать? Какая-никакая, а все же надежда. Помирать, сложа ручки, тоже радости мало.

— Там в сумке термос с чаем, — в сторону кивнул головой Денис, — а в бардачке — пластиковые кружки. Налей себе и дружку.

Парень живо разобрался где и что, чуть толкнул плечом задремавшего товарища, протянул ему чай.

— Эй, держи.

Друг его молча взял кружку, сделал несколько небольших глотков.

— Может, у тебя и покрепче что-нибудь для согрева найдется? — с улыбкой взглянул на Дениса парень. — Извиняюсь за наглость...

— Чего нет, того нет. Мы ж за рулем все время, — тоже улыбнулся Денис. — Да я и вовсе не употребляю уже несколько лет.

— Чего так? — глянул на него парень и подмигнул: — Натворил небось чего-нибудь по пьяному делу?

— Нет, просто... Так решил, — Денис как будто и хотел сказать подробнее, но отчего-то замолчал. После небольшой паузы добавил: — Понял, что ни к чему это...

Парень не стал спрашивать.

— Ты чего же это один едешь по таким местам да в такую пору?

— Напарник захворал. А мне чего сидеть порожнему? Жена с дочкой заждались уже — третий месяц в дороге разменял. Вот и решился.

— Порожний, значит...

— Ага.

— От шефа нагоняй не получишь за самоуправство?

— Не думаю. Ему что? Главное, чтоб груз сдали и машину вернули в целости. А напарника с другого рейса ребята заберут. Им даже лучше будет: втроем-то легче ехать.

— Втроем легче, это верно...

Помолчали.

— Где же это тебя носило столько времени? — спросил парень.

— Да много где: полстраны почти объехали. Ты лучше скажи: вас-то куда несло на «легковухе»? — в профессиональной классификации Дениса все негрузовые машины относились к категории легковых.

— Дело важное было... Что это за медведь у тебя? — недосказал парень, кивнув на плюшевую игрушку на панели. — Талисман, что ли? Великоват будет для талисмана.

— Подарок дочке.

— А это — жена, стало быть, на фото?

— Жена.

— Хороша куколка, — осклабился парень.

Дениса покорило: вроде ничего плохого попутчик не сказал, но эти развязность и взгляд — будто на его глазах попытался Алену облапить — задели. Чтобы исключить возможные обсуждения, Денис холодно-то спросил:

— Сам-то женат?

— Нет. Какие наши годы — успеется, — снова хохотнул парень.

Он, хоть и неприятно верткий, суетной какой-то, все же нравился Денису своим оптимизмом и непосредственностью — после долгого дня одинокой езды поговорить с таким было в охотку. Да и временность знакомства уже подействовала. Это только у случайных попутчиков и бывает. В поезде, например, когда можно говорить с человеком о чем угодно — хоть о самой дорогой радости, хоть о самой сокровенной боли, а на завтра об этом разговоре забыть, потому что никогда в жизни ты с ним больше не увидишься. Никто даже имен не старается запомнить, незачем.

— Как там дружок твой? — спросил Денис.

Парень глянул на товарища.

— Ничего, кажись. Дрыхнет.

— Ну, и ладно. Отогреется, отоспится — полегчает ему.

— Нет, в самом деле, жена-то у тебя очень даже ничего... — снова обратился к фотографии парень. — Красивая... И чем ты ей приглянулся? Без обид только: вот гляжу на тебя — мужик как мужик, не красавец, не урод, про умственные способности, конечно, ничего сказать не могу — не знаю, может, ты ее интеллектом покоришь...

Денис улыбался, глядя на дорогу.

— Сам все гадаю, чем приглянулся...

— А я подкажу: любовью своей. Вон ты как зацвел, только о ней заговорили. А бабы, они ж сердцем живут, это дело сразу чувствуют: можешь ничего и не говорить ей, — парень легонько ткнул Дениса в плечо кулаком, добродушно посмеялся и, странно резко сменив улыбку на серьезность, внимательно посмотрел в темноту ночи, будто выискивал что-то.

Денис чуть покраснел, засмутился, хоть в кабине этого и не было видно.

— Люблю — это ты правильно заметил, — не стал отрицать он и, на секунду отвлекшись от дороги, глянул на парня. — Ты вот спрашивал: почему не пью, мол?

— Ну?

— Из-за жены и не пью...

Парень улыбнулся.

— Выходит, и твоя распрекрасная это дело запрещает?

— В том-то и фокус, что — нет. Сам так решил: понял вдруг, какую милость ко мне Бог проявил, подарив встречу с ней. Я ведь, бывало, раньше так куролесил, что будь здоров. До того допился однажды, дурак, что в пьяной драке оказался, в больницу попал. Жена и выходила: врачом там работает. Правда, тогда мы еще знакомы не были. — Денис хмыкнул своим мыслям. — Теперь и вспомнить смешно, как я к ней клинья подбивал. Втюхался в нее сразу же, как только увидел. Только тем и жил в больнице, что ее осмотрев дожидался, а между тем столько всего передумал про свою жизнь. Как мне обидно и досадно стало за все мои никчемно прожитые дни — не передать. Не зря говорят: любовь очищает. Я как раз тогда и подумал об этом всерьез: так и хотелось себя, как грязную половую тряпку, взять за шиворот да простирнуть как следует. Только невозможно это, к сожалению... Может, так оно и должно быть.

Денис помолчал и продолжил:

— Выздоровел, в общем. Выписался. А о ней все не могу перестать думать. И день и ночь, веришь? Ну, думаю, так дело не пойдет, надо чего-то решать. Привел себя в порядок, набрался смелости, пошел в больницу — на свидание ее звать.

— Ну-ну, — парень заинтересованно улыбался, поглядывая то на Дениса, то опять очень пристально на дорогу.

— А что — ну? Пошел, собственно. Как водится: чем ближе к делу, тем страшнее. «Отбреет она тебя, Денис Владимирович, — думаю, — куда тебе! Она — целый док-

тор, а ты кто? Шофер какой-то, да еще и пьяной поножовщины участник». Уже давно к кабинету ее пришел, а все стою, мнусь, как школяр. Тут вдруг она в коридоре появляется, прямо враспloh меня застала, честное слово. «Вы ко мне?» — спрашивает, а я слова сказать не могу, кивнул только. Чувствую: рубашка к спине липнуть начинает. Она улыбается. «Проходите», — говорит и дверь в кабинет открывает. Я теперь, хоть убей, не могу вспомнить, что говорил ей тогда, как в бреду был. Супруга до сих пор смеется, вспоминая. Потом, уж когда встречаться начали, рассказала, что сразу все поняла, с первых дней.

— Вот я о том и говорю: бабы, они такие. Ну а Бог-то тут при чем? Ну, встретились, ну, влюбились, дитя народили — что ж тут чудесного?

— А то, что многие встречаются-влюбляются, да совсем немногие живут потом ладом. И дети — тоже дар вышний.

— Ну ты загибаешь... Прямо как поп какой.

— Как думаю, так и говорю.

Денис замолчал. Парень тоже о чем-то задумался.

— Останови. По нужде надо, — впервые подал голос товарищ парня. Голос у него был глуховатый и будто сердитый.

Денис остановился у обочины, мужчина вышел. Денис ему вслед, глянув на парня, с улыбкой сказал:

— Отогрелся кореш: организм функционировать начал.

— Ага, — рассеянно ответил парень, глядя в темень, куда пошел друг. — Схожу-ка и я заодно, пожалуй, чтоб потом не беспокоить.

Он вышел из кабины.

Денис накинул куртку, тоже выпрыгнул наружу, осмотрелся. Снег закончился, но ветер все равно задувал, и порой — крепко. Денис размялся, смахнул сметкой с фар и номеров налипшую снежную штукатурку и снова забрался в кабину, разделся.

«Чего они телятся?» — нетерпеливо подумал он, глянув на часы, дожидаясь попутчиков.

Вдруг поодаль, метрах в двадцати, сбоку от дороги, в темноте, четыремя желтыми глазами вспыхнули автомобильные фары. Они, покачиваясь, стали приближаться. Машины остановились рядом с фурой.

Денис, ничего пока не понимая, видел, как из одной машины вышли его попутчики. Парень направился к нему, а его товарищ остался стоять перед капотом между фар. Остальные тоже вышли из машин, их было пять человек, все — мужчины.

Парень забрался в кабину.

— Что, помощь нашили? — спросил Денис.

Тот, взгромоздившись на сиденье, глянул вдруг незнакомо, злобно.

— Кассу за рейс давай!

— Ты чего? — криво улыбнулся Денис. — Шутишь?

— Гони бабки, паря, — процедил попутчик, выдернув из кармана куртки руку.

Денис увидел направленный в него пистолет, понял, что это была не шутка. Парень предупредил:

— Только не надо горбатого лепить, что не с тобой деньги, не то на куски резать будем! И поживее! Добром прошу.

Но Денис не спешил, соображал:

— Вот вы, значит, по каким делам торопились... Вот чем промышляете...

— Ага, чем Бог пошлет, — оскалился парень, как бы намекая на недавний разговор.

— Не поминай грозного имени все... — тихо проговорил Денис, не убирая рук с руля, все глядя вперед на толпу мужчин перед фурой.

— Чего? — не понял парень.

Денис повернул голову к нему, прямо посмотрел в глаза.

— Мразь ты последняя — вот чего. Через таких выродков, как вы, люди и становятся потом волками друг другу — не верят и боятся. Я ж думал, вы погибали там...

— Ты полегче с выражениями, — уже без улыбок сказал парень, — а то договоришься! Радуйся еще, что порожним попал к нам, не то здесь бы твое путешествие и закончилось навечно. Так что давай бабло и вали себе дальше, пока цел.

Денис сидел, не меняя позы.

— Ну! — парень больно ткнул его дулом в ребра. — Не нервируй меня! В натуре, здесь останешься! Кабину и без тебя обшарим.

Денис внимательно глянул на пистолет, наконец медленно убрал руки с руля, потянулся под свое сиденье.

— Ну-ка! — сразу прикрикнул парень. — Куда грабли тянешь?!

— Деньги там, — замерев, посмотрел на него Денис.

Секунду подумав, парень кивнул:

— Ладно... Смотри у меня... Только без резких движений и сюрпризов — я на эти штуки сам горазд.

Денис наклонился, запустил руки под сиденье. Снова глянув на пистолет, спросил:

— Об оружии-то хоть представление имеешь? В армии служил?

— Имею, не беспокойся.

— Это хорошо... Хорошо... Сдуру можно и глупость сделать...

Что-то в тоне Дениса и сосредоточенном где-то внутри себя взгляде насторожило парня, он занервничал, грубо выругался, поторапливая Дениса.

— Чего ты мне зубы заговариваешь?! Чего возишься там, пересчитываешь, что ли?

— Все-все, уже достаю, — сказал Денис. — Плавно, без резких движений, как ты и велел...

Он выпрямился, поднял правую руку — на конце указательного пальца металлическое кольцо.

— Раз, говоришь, представление об оружии имеешь, то должен знать, что это — чека. А это, — Денис положил на руль левую руку, — граната.

Глаза парня округлились, рот приоткрылся. Он тяжело сглотнул.

— Так и будем друг на друга пялиться? — спросил Денис.

Парень растерянно глянул в лобовое стекло — его дружки не обращали на них с Денисом внимания, собравшись кружком, над чем-то громко, взрывами ржали.

— Правильно смотришь, — заметил Денис, — передашь своей своре, что у меня в запасе еще три таких красавицы, — он выразительно качнул левой рукой. — Это на случай, если решите ехать за мной. А теперь пошел вон отсюда, гнида.

Парень молчал, рассматривая гранату, вдруг с задором глянул на Дениса.

— Бреешь, гад, не взорвешь. Так ты сладко мне про свою женушку и девчонку пел... Кишка у тебя тонка с ними расстаться, понял!

— А ты проверь, — не мигая, смотрел на него Денис.

Парень снова метнул взгляд на гранату.

— Считаю до трех и трогаю, — предупредил Денис, — тогда со мной до самого конца поедешь, а там я тебя лично ментам сдам или на обочине выкину — подыхать. Раз!.. — Денис воткнул передачу. — Два!..

— Ну, падла... Не уйдешь! — прошипел парень и задом попятился из кабины.

И только он встал на приступку, Денис рванул фуру, скидывая его. Пассажирская дверь хлопнула.

Толпа рассыпалась в стороны, но все равно кого-то зацепил, кажется, одну машину снес. Точно, вон в зеркале видно: склонились над кем-то, забегали.

Денис рвал двигатель, не жалея, до онемения в ноге вдавил педаль газа в пол. В зеркало смотрел чаще, чем на дорогу, следя за начавшейся у машин разбойников суетой. Человеческие фигурки в отражении быстро уменьшались, терялись в поднятом фурой снежном облаке.

Минут пятнадцать Денис ехал на бешеной скорости, не замечая ничего вокруг. Убедившись, что погони нет, чуть сбросил газ и перевел дыхание. Потянулся рукой к лицу, чтобы вытереть капавший со лба, затекавший в глаза пот, и только теперь заметил, что до сих пор держит гранату в руке, уже побелевшей от напряжения. Он бросил гранату в дверной карман. Граната была учебной, досталась ему в подарок на демобилизацию от подвыпившего старшины роты.

Помимо инструкций, фирма все же снабжала своих работников и допустимым законодательством средством самозащиты — газовыми баллончиками. Никто их все-таки, конечно, не воспринимал: что он, этот баллончик, — если только разъярить нападающих посильнее. Мужики шутили: выдается для интимной дезинфекции в пути. А что-нибудь посерьезнее — это уже на свой страх, риск и ответственность. Денис всегда опасался связываться с боевым оружием, и даже травматическим, считал, что если человек его имеет, то уже создает предпосылки для применения. Рано или поздно — но случится, а он этого никак не хотел, вот и возил с собой подарок-муляж.

Через час гонки, поняв, что оторвался уже прилично, Денис успокоился, остыл, сознавая, однако, что расслабляться все же ни в коем случае нельзя. Пальцы иногда еще пробивала мелкая дрожь.

Глупо, конечно, поступил, безрассудно. «К чему было так рисковать, ведь все могло и печально закончиться?..» — шептал голос разума теперь. Но Денис до сих пор не мог согласиться с мыслью о добровольной передаче преступникам своего трудного и так необходимого сейчас заработка.

И все же что-то иное, не это, все равно нудило на душе, отравляло, не это не отпускало в нем ненависть. Вспомнив дорожный разговор с парнем, Денис понял: было гадко и стыдно, что раскрыл душу перед таким человеком.

ВОВКА ЖОКЕЙ

Володьку Башлачева в селе знали многие, почти все взрослое население так уж точно. И все звали его Вовка Жокей, ребятня — дядька Вовка Жокей, несмотря на то, что было ему сорок три года и выглядел он к тому же старше своих лет. Жокеем его прозвали давно, за врожденную какую-то способность присмирять при объезде даже самых норовистых лошадей, что и принесло ему широкую известность. Он был местной достопримечательностью, но немного того... чудной.

Объездчиком Вовка не работал, он вообще нигде официально не работал и занимался не пойми чем: то огороды перекапывал людям, то колодцы и погреба рыл, то покраской построек занимался, то вырубкой деревьев — за все брался, если деньги нужны были. Иногда одалживался, но деньги всегда отдавал в срок либо отработывал. В остальное же время он слонялся без дела и цели, хотя не был безнадежным пьяницей и силой и здоровьем Господь его не обделил — это был невысокий, высушенно-жилистый, крепкий рыжеватый мужик.

Всю подрядную работу от начала и до конца он всегда исполнял сам и в довольно короткое время. Часто наниматели дивились его выносливости. Засмотревшись, как он иступленно, забывшись, работает, говорили и между собой, и ему: «С таким упорством и силушкой мог бы свою жизнь так наладить, что первым хозяином на селе

был бы. Нет же! Ветер в голове! Другим марафет наводит, а в своем доме — развал и запустение». Вовка на это только фыркал снисходительно.

На объездку лошадей его пригласили в особых случаях: когда коноводы сами не справлялись. Вообще-то, никакого конезавода не было, а было хозяйство «ипэ» Водкина Бориса Григорьевича, бывшего прапорщика ракетных войск, вышедшего на пенсию, но оказавшегося весьма предприимчивым и не теряющимся и в гражданской жизни человеком. За селом он восстановил заброшенные когда-то овчарни и содержал в них свои гурты овец и пять лошадей: три — рабочие, чтобы пасти овец; две, с признаками породы, купленные не задешево, — для эстетических прогулок верхом. Работники овчарни были и пастухами, и конниками, и разнорабочими — все это любой местный мужик с детства умел.

Было у Водкина еще в двух селах неподалеку организовано свое дело: в одном арендовал два пруда под рыбное хозяйство, в другом — яблоневые сады. Сам он жил в городе в тридцати семи километрах от своих владений. Всеми делами в селах ведали его заместители из местных, а Водкин приезжал несколько раз на неделе с ревизиями. В «рыбхоз» приезжал чаще — на одном из прудов отстроил небольшую резиденцию, там проводил иногда время: организовывал деловые встречи, улаживал рабочие вопросы или просто отдыхал.

Однажды раскаленным августовским днем очередной раз приехал к овчарне перевозочный трейлер: привезли еще одного коня. После того как его, взбрыкивающего, упирающегося, наконец ввели в стойло, заместителю Водкина, Сологубову Василию Петровичу, пояснили, что конь этот — подарок для какого-то дагестанского партнера шефа, но прежде коня нужно объездить и обучить хотя бы минимально. На это есть месяц. С тем порученцы убыли.

Дня через два-три, когда конь немного пообвыкся на новом месте, взялись за его дрессировку. Но, как говорится, не тут-то было: жеребец никому не давался, к себе не подпускал, крутясь на месте, лягался.

Когда через две с половиной недели дело дошло до седла, измучены были все: и животное, и люди. Но если хоть как-то еще коня приучили к седловке, то любые попытки проехать на нем верхом превращались в самое настоящее родео.

— Петрович, за риск здоровьем и жизнью требуем доплаты, — не шутя заявили в конце концов мужики-работники, — мы на такие дела не подписывались.

— За что это вам доплату?! За то, что втроем не можете одного конька обуздать? — раздражался зам «главного».

— Тогда садись сам, умник!

— Вы сначала дело сделайте, — сразу сговорчивее стал Петрович, боясь, что мужики и вовсе откажутся, — а потом и про доплату говорить буду с Борисом Григорьевичем — не из своего же кармана я вам дам.

И глядя, как его «ковбой» вновь идут на приступ и как конь, вздыбливаясь или подсакивая, вновь начинает рваться от них в разные стороны, Петрович злобно бормотал себе под нос: «И откуда он только его взял?! Из преисподней, что ли? Натуральный дьявол!»

Местные старики и пацаны, бездельничающие на каникулах, каждый день приходили поглядеть на дорогого, как новый автомобиль, коня и представление, которое он устраивал. Это стало почти обязательным элементом дня. Старики обсуждали работу наездников, приставали к ним с советами, раздражали своими подсказками под руку. Конь же как будто еще сильнее разъярялся присутствием зрителей, но прогнать их Петровичу не удавалось: слишком уж занимательным было зрелище.

Как раз из зрителей кто-то и вспомнил про Жокея.

— Не будет вам дела, зовите Вовку!

Пораздумав, Петрович отправил на его поиски пацанов, крутившихся тут же у загона. Глядя им вслед, проговорил как заклинание:

— Только б не запил... — знал, что Вовка без работы уже третью неделю: виделись на днях.

Среди зрителей Жокей не появлялся, считал это ниже своего достоинства. Он — профессионал, и ему бывать на овчарне надлежит только по делу.

Долго искать его не пришлось. Сидел во дворе своего дома, в тени старой яблони, перевязывал удочки. Выслушав детвору, он неспешно накинул рубашку, не застегивая ее, пошел к загону. Пацаны, окружив, без конца щебетали:

— Дядька Вовка, с чего начнешь?

— Смотри, он злой, гад!

— Он, бес, дядю Ваню давеча так скопытнул с себя, что тот в забор улетел, чудом не переломался.

Ту же историю, когда Жокей подошел, повторил обрадованный его появлением Петрович, но уже с подробностями:

— Ведь хитрый, стерва: вроде поддался, порысил спокойненько, а потом... как пошел, как пошел набирать в галоп! Ваньку не слушает, прямо на забор несет и метра за три до него встал вдруг как вкопанный. Ну а Ванька так и полетел — не хуже циркача сальту сделал.

Жокей слушал, не проявляя никакого интереса, жевал травинку, сквозь щелки прищуренных зеленоватых глаз пристально смотрел на метавшегося в загоне жеребца. Горячий ветер трепыхал его рубашку, шевелил редкие рыжие волосы на груди.

Наконец он выплюнул изжеванный стебелек, так ничего и не спросив, перелез через жерди загона, пошел в его центр, к коню, которого пока просто держали на длинном недоуздке почти на всю его длину.

Жокей забрал недоуздок, слегка натянул его и, перебирая в руках, стал подходить к коню. Темно-гнедой высокий красавец с его приближением забеспокоился, два раза бочком переступил на тонких точеных ногах, мелкая волна нервной дрожи пробежала по крупным, рельефным мускулам. Чем ближе подходил Вовка, тем сильнее отстранялся от него конь, медленно оттягивал голову вверх и в сторону, настороженно косил свой блестящий коричнево-черный глаз.

Жокей медленно, но уверенно подходил все ближе, почти крался. Дойдя так до коня, притянув его морду недоуздкой, он пристально посмотрел ему в глаз и вдруг резко ударил жеребца кулаком по скуле.

У Петровича сердце оборвалось.

— Вовка, подлец! Не тронь коня! — потрясая в воздухе кулаком, тонко прокричал он. — Мы за него всем селом не расплатимся, если с ним что случится!

Но Вовка будто не слышал. Удерживая морду коня, зычным басом скомандовал: «Стоять!», пожирая его взглядом, и снова хлобыстнул животное по морде. Конь чуть присел на задние ноги, явно испытывая страх, но, к удивлению всех, не двигался.

— Вот же черт заколдованный! — не выдержал кто-то в толпе, нарушая общее молчаливое напряжение.

Вовка вынул из-за пояса принесенную с собой плетку, легко вскочил в седло. Крепко взяв удила в одну руку, он почти освободил ноги из стремян, стоя в них лишь подушками пальцев, на случай если конь его скинет, чтобы не потащил, и снова, но уже негромко скомандовал:

— Но!

Жеребец побежал резвой рысью, Вовка, одернув удила, его придержал. Конь взбрыкнул было, но Вовка тут же шандарахнул его кулаком по лбу, удилами скрутил шею.

Конь покорился. «Пошел!» — снова угрожающе процедил Вовка, и конь, нехотя перебирая ногами, с каждым шагом будто вытаскивая их из раскисшей глины, рвано пошел вперед.

Кое-как первый круг был сделан. Вовка сразу зашел на второй.

— Ты смотри, даже не кинул ни разу! — восхищались зрители.

— И с чего его так кони боятся?

— Бесовщина в нем какая-то, ей-бо! Ну глянь: конь себя так ведет, будто волка рядом чувствует.

Вовка стал приходить в загон каждый день: Петрович пообещал заплатить, и к концу назначенного срока жеребец худо-бедно был готов под езду. Забирать его вместе с порученцами приехал сам Водкин — в хорошем расположении духа, энергичен, как, впрочем, всегда.

Он оценивал результаты проделанной работы вместе с Петровичем. Вовка тоже оказался рядом в тот момент, поскольку точно известно не было, когда приедут за конем, думал, вообще-то, еще с ним поупражняться. Он сидел на жерди загона, смотрел на ездока.

— Кто же его так хорошенько обработал? — улыбаясь, спросил Водкин, когда конь, развевая по ветру черную гриву и хвост, пронесся рядом. — Я ведь знаю, что конек непростой.

— Мягко сказано! — глянул на него Петрович и ответил на вопрос: — Да все постарались...

— Ну а все же?

Вовка тихонько улыбался, ожидая, что ответит Петрович. Тот с некоторым промедлением все-таки кивнул на него:

— Вот... Вовка, Владимир то есть...

Водкин глянул на Вовку.

— Что, добрая лошадка?

— Ничего... — не поворачиваясь, согласился Вовка.

Петрович вспомнил о претензиях мужиков, со смущением сказал:

— Борис Григорьевич, надо бы, это... работников отблагодарить как-нибудь, они тут чуть не поубивались с Буцефалом вашим, если по правде говорить.

Водкин посмеялся, ничего не сказал. Он еще минут пять пристально наблюдал, как конь грациозно рассекает по загону, сам себе тихонько проговорил:

— Что ж, порадуем горца... — потом повернулся к Петровичу: — Ну, зови своих служивых, буду благодарить, — сказал он и кивнул водителю: — Накрывайте здесь, в «рыбхоз» позже поедем. Вон там, в тенечке, под навесом что-нибудь придумайте.

Минут через двадцать водитель сообщил, что стол накрыт. Все двинулись к поставленному навесу. Петрович, приотстав с Вовкой, негромко его предупредил:

— Смотри, веди себя нормально, без этих твоих штучек...

— Каких? — лениво, с потайной улыбкой глянул на него Вовка.

— Каких! Сам знаешь каких. Сиди да помалкивай.

Под навесом на раскладном столике стояли бутылки с коньяком и виски, разные закуски, на переносном мангале неподалеку жарился шашлык, запах его уже крутился в жарком воздухе.

— Сергей, принеси-ка ящик с коньяком, — сказал Водкин водителю и, когда тот поставил у стола приятно-тяжелую картонную коробку, открыл ее. — Так, мужики, это вам в качестве премии, — Водкин начал раздавать коньяк, — такого вы еще точно никогда не пробовали.

— Борис Григорьевич, это ж для пожарных было... — негромко, но настоятельно заметил водитель.

— Ничего, и водкой обойдутся, — хмыкнул Водкин. — Разберемся... Ну а это, — он указал рукой на стол, — приправа к моему «спасибо». Прошу!

Он сам разлил по стаканам коньяк. Выпили по первой, закусили.

Говорить было как-то не о чем, мужики стеснялись «патрона», чувствовали себя неуютно, перебрасывались бессвязными фразами между чарками. Через какое-то время, чуть нагрузившись, расслабились, стали разговорчивее. Один, чтобы сделать приятное Водкину и как-то обобщить тему, сказал:

— А конь хороший, Борис Григорьевич. Подарок достойный будет.

Кто-то подхватил, хихикнул:

— Хар-роший... Такой хороший, что насилу обротали. Надо было вам его так дарить для пущего эффекта.

— Пришлось бы Вовку туда командировать потом.

— Ниче, у них там небось своих мастеров хватает.

— Хватает не хватает, а так, как Вовка, никто их не берет. У нас-то тоже опыта немало, а вот...

Водкин с интересом взглянул на Вовку, не обращавшего внимания на разговор, занятого шашлыком.

— Чем же ты их берешь?

Вовка, старательно обгрызавший косточку ребрышка, коротко глянул исподлобья.

— Твердостью, — он с хрустом откусил от кости хрящ.

— У других, что же, этой твердости нет, выходит? — улыбнулся Водкин.

— Выходит... — пожал плечами Вовка. — Животина сразу чувствует — уважать или не уважать.

— Ты, может, уважение со страхом путаешь?

— А это не одно и то же?

— Не одно, конечно.

— Может, и бояться. Мне-то что, я ж не Айболит.

— Не Айболит. Только что ж хорошего, когда тебя бояться?

— Так ведь и тебя бояться...

— Кто? — не понял Водкин.

— Люди.

Все слегка напряглись. Петрович пнул Вовку под столом ногой. Тот зыркнул на него. Но Водкин все так же улыбался, с любопытством смотрел на Вовку.

— Мне все же думается: уважают, — предположил он.

— Боятся, — непреклонно повторил Жокей, не отвлекаясь от кости. — Ты им деньги платишь, они и трясутся... Какое ж это уважение?

Водкин прищурился.

— Я что же, обидел кого? — спросил он. — Кажется, по-человечески обхожусь. Вот хотя бы сейчас взять...

— По-человечески, — ухмыльнулся Вовка. — Когда разъезжаешь таким царьком, оно конечно, хоть иногда надо и по-человечески. Только выглядит не того, неправдоподобно... Вроде подачки выглядит.

Водкин молчал, опешив.

— А тебе что же надо, чтоб я в ноги упал? — спросил он.

— Да Господь с тобой! — искренне хохотнул Жокей. — На кой мне?

— Так чего ж тебе не нравится тогда? Царьком обзываешь... А ты не думал, что если бы не я, сколько б тогда народу у вас без работы сидело? Что бы с селом вашим рас-

прекрасным было? Эти дороги, — он махнул рукой себе за спину, — мусорные баки нормальные, скамейки у пруда и на улицах сами, по-твоему, появились, из воздуха?

— Вон ты как... Так ты не царек, а спаситель, получается? Благодетель... — улыбнулся Вовка, но быстро посерьезнев, сказал: — Не натягивай себе подвиги, и без тебя жили как-то.

Водкин растерянно посмотрел на мужиков, ища хоть какого-нибудь вразумления, но те сами пребывали в легком шоке от этих внезапных дебатов.

— В том-то и дело, что — как-то... — проговорил Водкин и сам выпил.

Мужики молчали, не зная, что сказать.

— Ну, за все хорошее! — Петрович тоже торопливо поднял стакан, кивнул мужикам, приглашая их поддержать, и, выпив, начал рассказывать про приплод и ожидаемую выделку.

Солнце поослабло в своей раскаленной ярости. Заметно снизившись, оно сместило и вытянуло тени предметов и теперь нагло заглядывало в беседку. Дышалось чуть легче: воздух уже не так обжигающе втекал в легкие. Ветерок баловался со скатертью, заворачивая ее концы на стол, прямо в тарелки.

Водкин, выслушав рассказ Петровича, молчал, задумавшись. Он его и не слушал, как выяснилось:

— Ерунду ты говоришь... — сказал, искоса глянув на Вовку, продолжая разговор. — Страх — это когда через силу. А уважение... Уважение — это добровольное подчинение, что ли. Я ж к себе никого силком не тащу.

— Не тащишь, — согласился Вовка, поглядывая вдаль поверх загона, туда, где в степи виднелись первые вмятины череды сухих яров, где небо подкрасилось еле приметной желтизной. — А куда им деваться-то еще? Вот и идут.

— Ну ты ж, например, не идешь.

— Я — другое дело.

— Какое другое?

— Не хочу ни от кого зависеть.

— Станный ты! Как же можно, живя среди людей, ни от кого не зависеть?! Даже нищий у паперти и тот зависит от того, подадут ему или нет!

— А я вот не хочу.

— Ну, вот идешь ты работать к человеку — значит, уже зависишь: он ведь может тебе и не заплатить.

— В таком разе еще большой вопрос, кто от кого зависит: пусть попробует не заплатить — сожгу хату к чертям. К тому ж я сам выбираю, к кому наниматься.

— А я тебе про что толкую, дядя! — повысил голос Водкин. — И ко мне по доброй воле идут, и на привязи я никого не держу. Чего ж тебе еще надо? Как должно быть, скажи?

— Уважительно должно быть.

— Да как уважительно-то? — орал Водкин. — Можешь ты толком объяснить? Я что, оскорбил кого-то, ударил?

— Успокойтесь, Борис Григорьевич, — встрял Петрович. — Не обращайтесь внимания.

— Нет, ты подожди, пусть он скажет! Ну?!

Вовка первый раз повернулся к Водкину.

— Людей за опоздания штрафуешь? — спросил и сам ответил: — Штрафуешь. Карточки какие-то учетные выдумал, понимаешь...

Тут уже и мужики прижухли, опасаясь такого оборота: многие из сельчан нет-нет да перемывали кости Водкину, осуждали на сходках его способы ведения дела.

— А что же, я их за опоздания благодарить должен?

- Мало ли что у человека может произойти, а с овцами твоими ничего не делается.
- Милый мой, а как, по-твоему, в городах производства работают — когда захотел, тогда и пришел? Или когда удобно?
- сторожа, говорят, за придерванный ящик яблок уволил...
- Будет знать, как с ворами поступают, если его родители в детстве не научили.
- А обед и конец рабочего дня по сигналу — это как?
- Дисциплина должна быть.
- Дисциплина, — хмыкнул Вовка. — Спасибо, что еще номера работникам не начал татуировать.

По наступившей зловещей тишине Вовка почуял неладное, оглянулся. Водкин, сжав челюсти и кулаки, посерев лицом, смотрел на него.

— Ну знаешь... — тяжело выговорил Водкин, но закончить не успел — опять засуетился Петрович:

- Борис Григорьевич, да будет вам. Давайте еще выпьем лучше.
- Водкин к стопке не притронулся, обвел всех присутствующих взглядом.
- Вот вы, значит, как думаете...
- Да никто не думает, Борис Григорьевич, — успокаивал Петрович. — Ну найдется один-два дурака — болтают всякое. Да если б мы так думали, разве работали бы у вас? Тут Вовка опять тихонечко так улыбнулся.
- Униженные и оскорбленные, значит... — продолжал сам себе говорить Водкин. Он встал. — Поехали, Сергей.

Водкин сел в машину, порученцы наскоро свернули застолье.

— Ну и балбес же ты, Вовка, — вздохнул Петрович, глядя на удаляющийся, затуманенный поднятой пылью автомобиль. — Не можешь ты прямо, чтобы не отчебучить...

- Что слышал, то и говорил — ничего не выдумал.
- Так одно, когда люди промеж себя болтают, другое — ему говорить, садовая твоя голова! — вскрикнул Петрович и протянул горестно: — Ну, теперь жди господской «милости»...
- Да не трясись ты...
- Не трясись! Ишь, умник выискался! Тебе хорошо баклуши бить, а нам у него дальше работать! Что будет теперь, что ему в голову взбредет с обиды? Возьмет да и перебазируется отсюда — что тогда делать станем? С тобой дурака валять?..
- Ну раскудахтался... Не трясись, говорю. Куда он без вас: тоже ведь зависит...
- Вовка с невозмутимым видом мудреца снова глядел вдаль.

НА ОБОЧИНЕ

День был паршивый: серый, мокрый, голый — самый канун ноября. Мелкий холодный дождь моросил еще с ночи. Под утро вдобавок стал задувать ветер, нарезая этот неприятный дождь косыми длинными лоскутами. Прохожие, защищаясь, скрывали лица под капюшонами или зонтами; стараясь не угодить в лужу, смотрели исключительно вниз, будто не смели поднять глаз от стыда, и расходились друг с другом, едва не сталкиваясь, в последний момент, уже завидев прямо перед собой чужие ноги. На секунду вскидывали взгляд вверх и отшатывались спешно в сторону. Так и Зайцев (он был в капюшоне), обнаружив вдруг в поле своего зрения небольшого размера полусапожки, взглянул на их владелицу, но не посторонился, как уже делал много раз за день, а, напротив, замер, замешкавшись.

Здесь, конечно, можно вообразить, что «взору его предстала» писаная красавица, и любой взглянувший на нее обречен «оказаться во власти ее очарования» — но нет.

Девушка была самая обыкновенная: русые волосы под бордовым беретом; прямой, но не резко очерченный, даже чуть округлый нос; обыкновенные бледноватые губы и самые что ни на есть прозаичные — карие — глаза. Но именно глаза и поразили Зайцева. Смотрели они слегка удивленно, доверчиво и ожидающе, так, будто девушка неожиданно встретила давнего знакомого, с которым не виделась много лет, и ждала, что тот скажет. И если бы она задержала взгляд на Зайцеве на секунду-две дольше, он и в самом деле что-нибудь сказал бы. И вероятно, какую-нибудь глупость, поскольку ясных мыслей в его голове в тот момент не было.

Девушка сама обошла Зайцева, при этом чуть отклонила зонт, чтобы не задеть его, и продолжила путь, теряясь в толпе, а он еще несколько секунд смотрел ей вслед, изваянием стоя среди тротуара, мешая прохожим, — думал: не догнать ли?

С мысли сбила злобная старушонка с сумкой-тележкой:

— Ну чего встал-то, как столб?! — ткнулась она ему в спину.

— Извините... — пробормотал Зайцев, давая ей пройти.

Остаток пути к дому он размышлял, что нужно было все-таки девушку догнать. Черт знает, что из этого вышло бы, не сказать, что он прямо уж так потерял голову с разгону (не тот возраст уже), но почему-то очень хотелось узнать, какой голос у этих глаз.

Дома же, сняв с себя мокрую куртку и джинсы, подумал: «Придет же глупость в голову! Ну какая разница, какой у нее голос, жить мне с ней, что ли?» И заключил твердо: хорошо, что не пошел, подумала б еще, что он приставать наострил, отшила бы у всех на виду, — красней потом, объясняйся. Нужно оно?

Он занялся приготовлением ужина и только сел к столу, воткнул в сардельку вилку, как вдруг пропало электричество. Подсвечивая себе телефоном, Зайцев проверил «пробки». Все было в порядке, да и с чего бы им вылетать. Тогда он позвонил консьержке. Оказалось, где-то ветром порвало линию, а в доме из-за этого произошло какое-то замыкание. Когда починят это все — неизвестно. Хорошо еще, что приготовить еду успел — плита-то электрическая. Вот только чайник не вскипятить теперь.

Примостив телефон на столе так, чтобы фонарик не светил в лицо, Зайцев сел доедать. Тут и телефон, взморгнув, погас. «Прекрасно...» — с досадой выдохнул Зайцев, вспомнив, что еще по пути домой телефон несколько раз напоминал о малом остатке заряда.

Зайцев осторожно, на ощупь, переместил посуду в раковину, запил ужин стаканом воды и, держась стены, чтобы не угодить во что-нибудь лбом, пошел в комнату. Там уселся в кресло.

Непривычно и необычно было находиться наедине с собой в тишине и темноте, не собираясь спать. Отключение электричества неожиданно выявило силу автоматизма повседневности, и теперь Зайцев не знал, чем заняться, и придумать не мог. Даже если нашлась бы свеча или фонарик, читать бы он, к примеру, все равно не стал: еще со школы терпеть не мог чтения.

Он прислушался к окружающим звукам. В стояке прожурчала вода, по кафелю лестничной площадки звонко и торопливо простучали женские каблучки, хлопнула дверь. Он почему-то подумал, что толком не знаком ни с кем из соседей, хотя живет в доме уже четыре года. И дело не в нем, он никого не избегал, всегда здоровался, встречаясь, придерживал дверь на площадку и в лифт, помогал мамашам с детскими колясками, и люди поступали так же, но все это происходило как-то... настороженно, что ли.

Точно! Вот оно: недоверчивее люди стали. А ведь не так должно быть... Возможно ли теперь, чтобы соседи оставляли друг другу ключи от квартиры, уезжая в отпуск, с просьбой приглядеть, запросто вваливались позаимствовать стульев или одолжить чего-нибудь из обиходной мелочи?

Зайцеву вспомнилось, как он, только въехав в квартиру, еще не обжившись, занялся мелким ремонтом и «сбил» отвертку. Бежать в магазин за новой было неблизко, да и в порядок себя надо приводить: весь в пыли, потный, взъерошенный — в общем, времени жалко. Пошел по соседям. В двух квартирах никого не было или не стали открывать, в другой через дверь женский голос сообщил, что отверток в доме нет, и только в четвертой с ними вступили в очный разговор. Открыла женщина лет тридцати. Прячась за ее ногой, с любопытством выглядывал маленький мальчик.

— Здравствуйте, я ваш сосед, — как можно добродушнее улыбнулся Зайцев. — Извините, что в таком виде. У вас крестовой отвертки, случайно, не найдется на час-полтора? Женщина смерила его быстрым взглядом.

— Подождите, я мужа позову.

Муж, по виду, был явно недоволен тем, что его потревожили. Сонный, мятый, он тупо тараторил на Зайцева, ничего не отвечая на его просьбу. Зайцев начал было излагать повторно, но тот перебил:

— Тебя как зовут?

— Серега.

— Серега... — задумчиво повторил хозяин. — Я тоже Серега. Но у меня отвертки есть. И молоток. И пила есть. У меня вообще все есть, хоть я с другого конца страны, из самого Владивостока приехал. Я по соседям не хожу, а ты какой-то... не Серега...

Зайцев изумленно смотрел на него, не зная, что на это сказать. «Да он с перепоя, кажется», — подумал.

— Я ж говорю: «сбилась» отвертка...

— Во-во, я как раз про это. Если свою угробил, то же и с моей будет.

Тут Зайцев встряхнулся от секундного замешательства, с ядовитой ухмылочкой процедил:

— Слушай ты, Серега, чего ты мне мозги канифолишь! Я ж у тебя не машину прошу! Дашь отвертку или нет, некогда мне?!

Отвертку Зайцев получил, но вместе с ней — на весь день не то чтобы испорченное, но весьма взвинченное настроение.

Вот и поддерживай добрые отношения с такими соседями. «Оставляй ключи», — усмехнулся он своим воспоминаниям. Да и кому оставлять-то: большая часть жильцов, скорее всего, сами жилье снимают. Оставь ключи — вернешься, а потом ищи, доказывай, кто ты да что, или вообще в голую квартиру попадешь. Нет уж, пусть лучше цветы засохнут или вода протечет где-нибудь, но так оно спокойнее.

Снова вспомнилась девушка с улицы, и Зайцев понял вдруг, почему ее взгляд так подействовал на него: так же когда-то на него посмотрела одна девочка на дне рождения друга. Они были в девятом классе, друг, ученик другой школы, с которым они познакомились на футбольной секции, собирал всех у себя дома, родителей не должно было быть — воля. Мало-помалу прибывали приглашенные. Зайцев никого, кроме своего товарища, не знал, чувствовал себя зажато, никак не мог встроиться в общий разговор, а в один момент, когда все, занимаясь приготовлениями стола, разошлись, он и вовсе остался в комнате один. Сидел, ругая про себя свою неприкаянность. И в этот-то момент отворилась дверь, и заглянула она, и взгляд ее, оказывается, он помнит до сих пор. Всего лишь заглянула, улыбнулась, поздоровалась и вышла — всего несколько секунд смотрели они друг другу в глаза, но что-то оба в тот момент почувствовали, он был уверен, что и она тоже. Это не объяснить, это понимаешь каким-то тончайшим чутьем, которому столько же лет, сколько самой жизни на Земле. Девочка была красивой, и что-то подсказывало Зайцеву, что он ей интересен, но проклятая застенчивость почти в оцепенение его ввела.

Так он с ней и не заговорил в тот вечер. Она, выходя из кухни, когда он одевался в прихожей, спросила: «Уже уходишь?» И даже тогда он всего лишь кивнул: «Угу». Девочка смотрела так же необычно, только теперь в ее взгляд еще как будто вмешалось какое-то грустное недоумение.

Когда это было... Зайцев давно уже не застенчив, научился быть смелее, наглее, равнодушнее — и с женским полом в том числе. Научился не привязываться ни к кому и ни к чему, только взглядов, подобных взгляду той девочки, почему-то больше не встречал, а может, сам их не замечал уже. Впрочем, он об этом и не задумывался до этого момента. Тогда, в юношестве, он желал непременно эту черту в себе побороть, теперь же, впервые за столько лет, подумалось, что навсегда утрачено что-то драгоценное и неповторимое. Застенчивость среди его товарищей считалась чем-то предосудительным, предметом насмешек, сейчас он подозревал, что благодаря именно ей чувствовалось в нем что-то настоящее, искреннее, чистое. Оно-то и привлекало. Теперь и захочешь, а уже не вернешь его. Совсем другим он стал человеком. А главное — злее стал и раздражительнее, давно уже он это в себе заметил. Куда-то не туда его жизнь клонит, ну или он не туда поворачивает, да только что с этим делать, как выправлять — непонятно. Как вернуть былую радость бытия? И к главной жизненной развилке он приближался, видимо, как раз в пору тех ясных глаз на дне рождения друга — этим необъяснимым чувствам доверишься или уму? Как в сказке: направо пойдешь — добро обретишь, налево пойдешь — будешь всю дорогу, как щепка в реке, болтаться — куда прибьет. И он, как видно теперь, пошел налево.

В детстве Зайцев, наслушавшись набожную свою бабушку, всегда ощущал над собой вышний догляд. Так она его запугала рассказами про Страшный суд, на котором мертвые восстанут из могил и каждому воздастся по делам его, что он месяца два каждый вечер, засыпая, видел жуткие картины: городское кладбище и выбирающиеся из-под земли полуистлевшие тела. Он его, конечно, может, нафантазировал себе, догляд этот, но точно помнил, что все поступки совершал, невольно озираясь на него, и ни разу не пожалел. Всегда выбор был правильный, и что самое интересное — думать не приходилось. В первую же секунду понимаешь: поступать следует так, именно так будет хорошо, правильно. Но замешкайся — и ползут всякие «надо», «а что подумают?», «как бы выгадать получше», «а если...», «а вдруг...». И так без конца. И где теперь среди всех этих вопросов и мнений его собственное? Заглохло. Растворилось.

«А чего я, собственно, хочу от жизни?» — задал он себе вопрос и вдруг с пугающей ясностью понял, что не хочет ничего, буквально, не имеет желаний.

«Машину подороже», «должность посолдней» он даже не рассматривал, вопрос был из другой категории, и пугало именно то, что ни одна мысль не воодушевляет его, не воспламеняет к действию, достижению, будто он старик какой-нибудь, а ему всего-то тридцать пять! Когда же он успел так запутаться! С какого конца этот клубок разматывать? Как он вообще оказался там, где он сегодня есть?

Зайцев работал в фирме, занимавшейся оптовыми поставками кофе из Южной Америки. Достаток был, хватало и на нужды, и на гулянки, только опять же: разве об этом он мечтал в детстве, разве продавцом кофе хотел быть. Нет, он хотел быть художником. Правда, тогда, когда хотел, он даже не знал, что это так называется — просто с удовольствием и самозабвенно переводил красками бумагу. Чуть повзрослев, увлекся карандашом. Со временем стали проглядывать способности, замечаемые уже и взрослыми людьми. Иногда, чтобы поразвлечь родню и друзей родителей, Зайцев в течение нескольких минут изображал карикатурки или шаржи, и удачность работы всегда подтверждалась мгновенной узнаваемостью сюжета и героев, поскольку своим детским точным и цепким вниманием Зайцев безошибочно угадывал главную отличительную особенность человека, что и привносил в образ. Иногда угадывал настолько прозорливо,

что одних ставил в очень неловкое положение, других же поэтому вынуждал мучиться удушьем от сдерживаемого в силу вежливости смеха. Так однажды на застолье он явно изобразил чересчур повышенную заинтересованность мужа тетки прекрасной половиной человечества, чем заставил тетку краснеть, гостей хохотать, а главного героя произведения, тоже заалевшего, со смущенным видом крикнуть:

— Хм... А мальчишка, кажется, талантлив...

В школе, естественно, талант Зайцева тоже быстро снискал почитателей, от его кисти не удалось уйти ни одному учителю.

Но когда встал вопрос о дальнейшем после школы обучении и Зайцев заговорил про училище искусств, отец, не дослушав, скривился:

— Эти глупости даже слушать не хочу. Ну что за профессия? Баловство одно. Ты давай-ка что-нибудь более земное придумай.

Но Зайцев ничего не придумывал: если не так, то остальное ему безразлично. Отец, видя, что сын поник, поговорил уже не так категорично, доверительно.

— Ты не печалься, сына, — начал он, присев рядом на диван. — Потом еще благодарить будешь. Ты ж ведь жизни совсем еще не знаешь, поэтому я тебе подсказать должен. Ну выйди вон на Невский, погляди на художников этих да гравюрщиков. Сидят целыми днями без толку перед своими творениями, а за душой ни гроша.

Он вздохнул, помолчал и, взглянув на сына, продолжал:

— Как хобби дело хорошее, кто спорит? Отдохновение души от трудов и все такое, занимайся на досуге — пожалуйста. Но для нормального существования нужно надежным делом заниматься. Ван Гог хороший пример оставил... Гений был? Гений, и еще какой. А как кончил?.. Страшную жизнь прожил, страшную. Только, если разобратся, сам виноват. Никто его не заставлял в бедности прозябать, сам себе втемяшил в голову рисованием жить, сам выбор сделал, а ведь прилично зарабатывал в конторе родича агентом и дальше мог бы.

Зайцев молчал. Ему всегда нравились картины Ван Гога, хоть он и не разбирался в живописи, было в их выпуклой контрастной яркости что-то завораживающее. Теперь историей его жизни любят пугать всех, кто решает связать жизнь с художничеством, как детей Бармалеем. Судьба действительно страшная. Большую часть жизни мыкался в жуткой нищете, и так и не посчастливилось ему познать упоительного чувства славы и признания. Да что там славы, денег и тех не водилось. Действительно, что за шутка судьбы: до неба вознести его талант по всему миру вскорости после смерти.

Однако повзрослев, Зайцев смотрел на это иначе. Он считал, что Ван Гог погубила злоба, она съела его. Злоба на мир, на людей, на судьбу. Зайцев замечал влияние такой злобы в жизни других людей, позже прочувствовал и на себе. Не все причинно-следственные связи в жизни доступны человеческому глазу. Есть скрытые законы. Как ты ни бейся, мир не обманешь, нутро твое проявляется с неумолимой точностью. Именно поэтому появившаяся раздражительность пугала Зайцева — он знал, что это начало плохого конца, дальше будет хуже. Но только сложность в том, что это словно замкнутый круг, из которого кажется невозможным выйти. Разве Ван Гог не имел оснований злиться на свою безнаградную упорную работу, на свою несчастную любовь? Неважно, что за злоба — она пропитывает человека на каком-то необъяснимом уровне, он начинает отталкивать от себя и людей, и удачу.

Потом отец упомянул Левитана и Кипренского. И вот какая выходила странность: с одной стороны, отец искусством и талантом всех этих художников восхищался, с другой — считал их шалопаями.

— Гениальность гениальностью, но ей-богу, странные люди, совершенно к жизни не приспособленные. Сам посуди, ни один не избежал огромных долгов, двое стрелялись, и даже не раз, кажется, умерли молодыми...

По теории Зайцева, и Левитана, и Кипренского раньше срока в могилу загнала злоба, но те хоть получили признание при жизни. Однако и в них что-то сломалось.

После этих обстоятельных увещаний пристроили Зайцева по знакомству на факультет управления, где он ни шатко ни валко отмучил положенные пять лет, постепенно забросив рисование окончательно. Однако работать в муниципалитете, как задумывалось, он тоже не стал. Жизнь будто сама вывернула на нынешнюю дорогу. Оглянувшись на пройденный путь, Зайцев усмехнулся: где его только не носило в смысле профессий.

Но вот что интересно: почему-то никто не говорит: ну какой, мол, из тебя артист — иди в медицинский. Или: что это за профессия — повар, несерьезно, иди в космическое приборостроение. Почему-то эти профессии не предлагают с легкой руки, не глядя, как юриста, финансиста, журналиста, агронома, какого-нибудь управленца и прочих, будто не нужно иметь ни осознанного намерения, ни природной предрасположенности к тому.

Однажды Зайцев поездом возвращался из командировки из города, где планировалось открывать филиал фирмы. Он боялся летать (то небольшое, чего он не смог преодолеть в себе усилием воли с возрастом), поэтому всегда пользовался поездами, хоть не всегда это было удобно и комфортно. Попутчики постепенно выходили, в купе остались только Зайцев и какой-то дедуля.

Дед оказался говорливым. Благо ему почти не требовалось отвечать — были бы уши. Зайцев слушал невнимательно, но не желая обидеть старика, время от времени кивал, «угукал» — известное дело: в поезде многих пофилософствовать тянет. Глянешь в окно на бескрайние расейские просторы: перелески да поля, луга и реки — и пожалуйста, сам не заметишь, как уже о великом думаешь. Однако дедок, как теперь подумал Зайцев, среди прочего сказал одну очень, кажется, неглупую вещь — рецепт мужского счастья. Именно так он его объявил, и именно это словосочетание — «рецепт счастья», такое вожаденное для всех людей во все времена, заставило Зайцева прислушаться, остальной же разговор стерся из памяти напрочь. Счастье, по словам попутчика, состояло из двух основных компонентов: «своего» места в жизни и «своей» женщины. Все остальное: здоровье, радость, наполненность жизни, достижения — происходит из этих двух как обязательное приложение, об этом даже не стоит думать.

«Вроде просто — да непросто, — хитро усмехнулся старик. — Тем не менее именно это две ноги, на которых мужчина уверенно идет по жизни. Уберите одну — идти, конечно, можно, но что это за ходьба будет?.. Так... Ковыляние. А некоторые, по этой аналогии, вообще — полные инвалиды... И жалко мне таких мужиков, ох как жалко. Ведь это ж и подумать страшно: прожил человек большую часть жизни, а себя в ней не нашел, не угадал, впустую прожил, получается. Грустно... Отсюда и беды, и пьянство... Не от радости ведь спиваются».

Зайцев жалел, что тогда не слушал деда, а он, видно, умудренный был. Эх, его бы сюда сейчас, Зайцев в него, как клещ, вцепился бы, чтобы ответы вытрясти. Впрочем, и так уж, кажется, ясно, когда он лишился, по крайней мере, одной «ноги».

Он начал представлять себе иной сценарий жизни — где он все-таки художник. Но отчего-то даже наедине с собой как-то неловко было об этом думать, — может, действительно блажь была.

Угораздило же его к такой деятельности влечение испытывать! Нет бы — программистом, механиком, плотником... Люди вон и в сорок лет, и позже род занятий меняют — переучился, и в путь. Но только не в творчестве. И сейчас, понятно, никто не запрягает, иди учишься, пробуй, пытай счастье, но готов ли ты все оставить ради него — вопрос. Тут, как в профессиональном спорте, на свой страх и риск нужно один раз

и желательно смолоду ставку делать, жизнь этому посвятить. А гарантий никто не даст. В детстве сомнений нет, только вера. Может, действительно прав отец был, что удержал.

Но даже после этих трезвых рассуждений сегодняшняя жизнь казалась до ужаса бессмысленной — глупой гонкой не пойми за чем. И неотступная мрачная мысль: нет радости, нет стимула.

«Ну хорошо, вот завтра, допустим, мой последний день... — решил „обострить“ вопрос Зайцев, как предлагали некоторые умники. — Что бы я стал делать? Занимался бы тем, чем занимаюсь?..»

Он ответил себе мгновенно, что своей нынешней работой заниматься не стал бы, но что стал бы делать — не знал. Да и не верилось в этот «последний день» — так, праздные игры ума. Мысли снова вдруг вернулись к личным историям великих художников: «А может, и они хотели обострить?..» И тут Зайцев уже с заметным холодком под сердцем подумал про самоубийство, вернее, как бы репетицию его. Он, вообще-то, не впервые думал о нем, но до сегодняшнего момента это были глупые детские обиды, вроде: смотрите же, кого вы лишились... Страшновато, но вместе с тем странно-приятно было представлять себя мертвым, мучеником, а вокруг — толпы сожалеющих.

Теперь было другое. Теперь от мысли о необязательности своего существования, что не будь его, Зайцева, ровным счетом ничего в машине жизни не изменится, ни на миг не сообразится, никто даже не заметит его отсутствия, — от этой мысли становилось жутко и пусто. Он поспешил увести мысли в другую сторону. Но все, о чем думал, так или иначе крутилось на фоне той — страшной, вроде бы послушно стоявшей в стороне, но пухнувшей, все более темнеющей.

За время сиденья в темноте глаза уже привыкли к ней. Посидев еще несколько минут, Зайцев перешел в ванную, умылся, почистил зубы и отправился спать. А проснулся утром, словно с перепоя: голова тяжелая, ломота в теле — мысли, оказывается, тоже свой след в теле оставляют. А может, это только результат тревожного сна: без будильника Зайцев боялся проспять работу, несколько раз просыпался, таращился в темноту, туда, где на тумбочке стояли электронные часы. Но электричества все не было, приходилось, ловя слабые отсветы, попадающие в окно с улицы, рассматривать циферблат ручных часов. Еще и снился в этих недолгих промежутках сна полнейший бред: кто-то за ним без конца гнался, то животные, то люди, а он, ненадолго останавливаясь, пытался отбиться от них весьма странным способом: как поп святой водой, увеличенной до размера булавы рисовальной кистью наотмашь окроплял преследователей желтой краской, почему-то именно желтой.

Теперь же электронные часы светились, разливая вокруг себя бледный зеленый свет. Зайцев потер глаза, припомнил вчерашний вечер и свои размышления, встал и первым делом поставил на зарядку телефон. Сразу же одно за одним посыпались сообщения, в основном все о пропущенных звонках от Лежнева.

Зайцев перезвонил ему уже по дороге к метро. Объяснил причину своего «исчезновения с радаров», предложил встретиться в обед: погода подправилась, посветлевшее небо не сулило, кажется, дождя.

В офис Зайцев успел войти впритык, за минуту до шефа, обожавшего прилюдно чихвостить «опоздунов», и до самого обеда никак не мог сосредоточиться на работе, все шло мимо сознания. Он с облегчением и радостью дождался, когда стрелки часов сошлись на двенадцати — начале обеденного перерыва, — закрыл ноутбук и вышел, надевая куртку уже в коридоре, на ходу: сегодня ему, как никогда, было душно в рабочем пространстве, хотелось воздуха, простора.

И день, как в подарок, разгулялся. Уже никем в эту пору нежданное, вдруг вылупилось солнце, мало того, что яркое, выпуклое, еще и теплое. Город сразу преобразился: голые деревья посветлели, тротуары просохли, только сверкали кое-где лужи.

Встретиться с Лежневым договорились неподалеку от входа в Таврический сад. Зайцев пришел к месту раньше, встал возле рекламной тумбы, греясь в лучах. Через минуту он уже ослабил на шее свой легкий шарф, завязанный модной небрежной петлей, зажмурился. Хотел было присесть на скамейку, но побрезговал, увидев на соседней компанию алкашей бомжеватой наружности. Они тоже грелись на солнце. Один, пьяно распластавшись на парапете, выкинув на проходную часть протез ноги, спал. Все были заросшими, грязными, пунцовые лица опухли, слышались хриплые голоса, смешки, чередовавшиеся с мокрым кашлем.

Зайцев брезгливо задержал на них взгляд, задумался: что доводит человека до такого безразличия к себе, к своей судьбе? Опять вспомнилось мудрствование старичка из поезда, но задержаться на нем Зайцев не успел.

— Не жизнь — малина, — услышал он позади насмешливый голос Лежнева и, обернувшись, непонимающе посмотрел на него.

— И где только достают каждый раз выпивку, — кивнул тот на бродяг. — Салют! — протянул он руку.

Перекусив в ближайшем кафе, пошли к саду. Рабочие приводили в порядок газоны, тарахтел двигателем трактор, увозивший сгружаемую в прицеп листву, по влажным дорожкам гуляли мамы с колясками. Пройдя по тропинкам небольшой круг, Зайцев с Лежневым присели на скамейку, подставившись солнцу.

— Ты чего такой задумчивый сегодня? — глянул на приятеля Лежнев.

Зайцев пожал плечами. Помолчав, спросил:

— Ты кем в детстве хотел стать?

— Вот те раз, — открыл глаза Лежнев. — Нам что, обед некачественный подали?

Зайцев, не обращая внимания на шутку, молчал, сосредоточенно глядя на бегающего впереди карапуза.

— Много кем хотел... У детей каждый день все меняется. И футболистом, и ветеринаром, и летчиком...

— Нет, всегда есть что-то одно, от чего все остальное, как шелуха, отпадает со временем.

— Путешественником, — подумав, сказал Лежнев. — Вернее, исследователем. Это меня так фильмы Кусто впечатлили. В общем, ученым, получается, хотел быть.

— Почему не стал?

Лежнев сначала удивленно улыбнулся: мол, как можно детские фантазии всерьез воспринимать, потом вдруг задумался — вспомнил, как целыми днями пропадал где-то по пустырям, изучая букашек-таракашек. Да и профессия ведь вполне нормальная, можно даже больших почестей добиться, весьма уважаемым человеком стать — и честным трудом, между прочим.

— Родители направили на путь... Как услышали про путешествия, так и посоветовали о глупостях не мечтать. Поначалу я, конечно, барахтался, а теперь думаю: и слава богу, что отвели.

— Вот... — как бы убеждаясь, кивнул Зайцев. — Так и живем... Слушаем всех... Только не себя! Постепенно в такие дебри забираемся, так далеко от себя уходим, что потом и не выбраться.

— Ты о чем это? — не понял Лежнев.

— О том, что все кругом лучше нас знают, как нам жить надо. А ответы внутри нас самих кроются, и всегда там были. Ведь невозможно же другому человеку до конца, «до доньшка» объяснить своих мыслей и чувств, как ни бейся, — никакой язык с этим не справится. Твои чувства только твои. Чтобы другому их понять, надо его к твоему мозгу подключить.

Зайцев посмотрел на недоумевающего Лежнева, пояснил:

— Для тебя, тогдашнего, путешествия не глупостью были, а жизнью, хоть ты, конечно, так и не думал — просто шел за тем, к чему влекло, что звало.

— Было и прошло. Звало, а теперь нет. Чего вспоминать-то.

— Так и получается: сначала мы на стремления свои или внимания не обращаем, или прячем их, потом они нам глупостью кажутся, и мы отрешиваемся от них, не понимая, что за это придется платить. Это же предательство.

— Какое предательство?

— Себя. Пути своего. Все правильно, все правильно... — уже сам себе пробормотал Зайцев, вспоминая минувший вечер. — Предательство... А предатели обязаны страдать...

— Какого пути? Что ты городишь?! У человека этих путей вон сколько может быть. Захотел — туда пошел, захотел — сюда. Ну может, и был у меня какой-нибудь талант исследователя, ну не захотел я по его пути идти. Мой выбор.

— Талант-то не твой, — глянул на него Зайцев. — Не тебе он принадлежит, он в тебе был от рождения, как дар. Вот в чем штука! Не ты выбираешь, а тебе, можно сказать, дали им попользоваться. А ты не используешь, вроде как прячешь. А неотданный дар — украденный, получается. Оттого и мучаются люди, что с украденной ношей ходят. И может, и рады бы отдать ее, оглядывают себя в поиске того, что свободно идти мешает, да никак отыскать не могут. Потом и вовсе думают только о том, как бы получить, а не отдать.

— Что на тебя нашло? — перестал улыбаться Лежнев.

— Так... Живу я — ни Богу свечка, ни черту кочерга... Глупо все как-то, бессмысленно.

— А какого ж тебе смысла нужно?

— Вот это я и хочу понять. Пользы... Не пользы даже, а причастности. Все мы для себя только живем.

— Ну, так. А тебя на жертвы потянуло, что ли?

— Я общее отношение имею в виду. — Зайцев оживился, сел вполоборота. — Знаешь, как люди в деревнях в гости ходят? По крайней мере, раньше ходили, когда я в детстве у бабки гостил.

— Как?

— Возьмет каждый с собой к столу, что у него есть: кто-то солений-варений, кто-то кусок пирога прихватит, кто-то мяса, кто-то наливки... И вот тебе застолье всем на радость. А что для этого понадобилось, как так получилось? Всего-то: каждый положил то, что у него было.

— И к чему эта аллегория?..

— К тому, что талант каждого человека — и есть такое подношение. — Взгляд Зайцева углубился. — Ты представь только, какая бы жизнь настала, если б все, все-все, вот так же приходили «в люди» с этими своими подношениями... Вселенский пир. Праздник жизни!

Зайцев глубоко вздохнул, откинулся на спинку, скрестив на груди руки. Глаза его горели. Лежнев растерянно поглядывал на возбужденного друга.

В ноги к ним от игравшей неподалеку детворы прилетел мяч. Зайцев пнул его легонько обратно, оба они внимательно проследили за его траекторией.

— Ну а ты-то сам кем хотел быть? — спросил Лежнев, кстати подумавший о том, что за все годы знакомства они как-то никогда не касались этой темы.

— Художником... — буркнул Зайцев. — И талант был, сейчас понимаю. Если не талант, так желание, тяга. В этом, может, и есть его главная функция — указать направление. И я тоже это предал и тоже плачú.

— Заладил: платить, платить... Надеюсь, ты не собираешься все бросить и в художники податься? — снова улыбнулся Лежнев.

— Да какой из меня теперь художник. На это мастерство жизнь кладут. Да и огня того нет уже. Все в свое время должно случаться. А теперь вот мечешься, как... Я тут даже про самоубийство подумал недавно, как-то нечаянно вышло: что есть, что нет меня — все одно.

Заметив обалделый взгляд Лежнева, Зайцев улыбнулся углом губ:

— Да ты не думай, Сем... Это я так, ерунду болтаю... Ты же меня знаешь: у меня и духу не хватит повеситься или в окно шагнуть. Впрочем, был бы пистолет — еще подумал бы, может...

— Ладно, идем: у меня перерыв заканчивается, — холодно оборвал его Лежнев.

Расставались у той же тумбы.

— Давай, Серега, до выходных, — протянул руку Лежнев, задержал несколько в своей руку Зайцева. — И ты, это... не накручивай себя... У всех бывают перебои настроения. Пройдет.

На работе Зайцев отвлекся делами, но позже, идя домой, вспомнил разговор с Лежневым, его ухмылочку: «Так что же, в художники подашься?» Тайком прислушался к себе — ни малейшего задора не возникало. Вспомнил и о своем утверждении о таланте как данности, припомнил знаменитую притчу. Не все так просто в ней, видимо, не так примитивно, как кажется. На то они и притчи, тем более евангельские. В чем двойная загадка — что именно эту притчу Иисус ученикам не пояснил, оттого и толкуют ее теперь, как хотят, поворачивают с одного на другое. Одно ясно: таланты в ней — это, конечно, не деньги, которые тогда были в ходу. Что же — способности, предрасположенности? Но одному рабу господин дал их пять, другому — два, третьему — один. Некоторые мудрецы утверждают, что таланты в этой притче — все, данное Господом человеку: и способности, и черты характера, и друзья, и даже болезни. Вполне и так, может, все эти таланты в таком случае можно и нужно превратить во что-то большее: вынести урок, развить в пользу для себя и ближних. Тогда вопрос: что же является крестом человека, если все — таланты?

И неспроста в притче раба, зарывшего свой талант, били и отобрали этот его единственный талант и отдали другому, а самого раба выбросили туда, где всех ждет «плач и скрежет зубов». Талант должен работать, иначе он станет мýкой. И хуже всего, когда о нем знаешь. Тут уже все трансформируется в непутевость. Или беспутство. И это не распущенность, это — отсутствие пути. Куда же можно прийти по дороге жизни, не зная пути. Но путь образуется конечным пунктом, целью. Следовательно, путь вторичен. Тогда нужно решить, к чему идти.

«Заблудился... Заблудился, — подумал Зайцев. — Да. Но хоть какая-то польза ведь может от меня быть?!»

В этот момент он стоял у светофора, ожидая зеленого света, и, переходя дорогу, засмотрелся на кипучее людское движение.

«Удивительно! Ведь муравейник! Все куда-то бегут, едут... И вроде бы по отдельности, но в связке, только и самим невдомек это. А каждый может оказаться кому-то чем-то нужен. Один лечит, другой кормит, третий возит, четвертый вон движение регулирует, — глянул он на полицейского, выглянувшего из будки-„стакана“, — и так без конца. Воистину все профессии важны... Значит, и моя тоже чем-то полезна. Ну не наркотиками же я торгую, в конце концов! Отчего тогда эти мысли дурацкие о никчемности? Ведь неплохой человек, кажется!»

Он всегда себя так характеризовал. То есть если бы кто-то вдруг спросил: «Что вы можете сказать о Сергее Зайцеве как о личности?» — «Неплохой человек...», и думал он так без всякого лукавства, имел право думать так: по крайней мере, умышленного зла никому не делал и не мстил никогда. Отчего же тогда все так нескладно, наперекосяк, неустроенно?

Вот где крылась причина разочарованности — в убежденности: будь человеком — и все у тебя будет в порядке. Да только на практике что-то этого было не видно. Значит, или утверждение неверное, или он все же человек так себе. Человечишко. Получается: незнание закона не освобождает от ответственности? Давность или невежество здесь не действуют. В молодости Зайцев считал, что он особенный, не в смысле — великий, нет, — особенный, как и любой другой человек. А однажды понял: никакой не особенный. И осознание это потрясло его своей суровой простотой, обыденностью: живи, крутись вместе со всеми.

Ах, да что там! Теперь можно утонуть в догадках: от этого или от того?.. Как проверить? Жизнь, как история, сослагательного наклонения не знает. Всему свое время — вот что точно. Не сделал вовремя — мучайся: надо было или не надо... Да, всему свое время. Но оно — вечно, и значит, и сейчас тоже время для чего-то. Значит, и сейчас нужно делать что-то, о чем потом, не сделав, можно пожалеть. Но что?

Вечером позвонил Лежнев, предупредил, что едет в гости, и меньше чем через час уже появился с пакетом, полным пива и закусок.

— Я подумал: раз вчера просмотр футбола не состоялся, можно ведь и просто так посидеть, поговорить, чего выходных ждать... — говорил, освобождая пакет.

Зайцев не стал разочаровывать друга отказом, хотя настроения для «посиделок» не было совсем. Он достал бокалы, но из своего за час отпил чуть больше половины. Лежнев внимательно примечал эти мелочи и все что-то без конца рассказывал, шутил. «Проверяет», — про себя улыбнулся этой незатейливой заботе Зайцев.

Видя непреходящую пасмурность Зайцева, Семен предложил позвать в гости знакомых девушек.

— Они готовы, если что. Я Аньку предупредил перед тем, как к тебе выдвигаться.

— Не надо. Сам видишь, смурной я сегодня. Извини...

— Что ж... Посидим и без них...

Снова Лежнев завел очередную историю. В какой-то момент глянул на часы.

— Ты не против, если я у тебя переночую? Поздно, ехать неохота уже.

Зайцев улыбнулся.

— Я, Сема, конечно, не против, только ты напрасно за меня переживаешь. Ничего я с собой не сделаю.

Лежнев слегка покраснел, забормотал, что ничего такого и не думал.

— Если ты домой собрался, я тебя провожу до такси и прогуляюсь заодно, — предложил Зайцев.

На улице было уже темно и снова ветрено. Попрошавшись с Лежневым, Зайцев плотнее застегнул куртку и пошел в сторону реки, решил пройтись по набережной. У воды задувало вольнее, было намного прохладней. Проход к набережной оказался закрыт: шли ремонтные работы. Обходить нужно было далеко, и Зайцев вместо этого решил перейти по мосту на ту сторону и вернуться, компенсируя прогулочное расстояние таким образом.

На обратном пути на середине моста он остановился, перегнувшись через парапет, пристально посмотрел вниз. Черная вода плавно покачивалась, казалась стоячей, и только завихрения ее у каменных оснований моста обнаруживали течение. Несмотря на фоновый шум города, проезжавших машин, слышалось легкое журчание, плеск. Эта равнодушная, могучая толща тянула к себе, как магнит. «Обострить!..» — вдруг снова вспыхнула мысль.

Зайцев осторожно перелез через поручень, прижался к нему поясницей, пальцы боязливо впились в холодный чугун.

Но никакого прозрения не случилось, не было вообще никаких определенных мыслей. Лицом к лицу чернота с еще большей силой влекла к себе, манила в свои мягкие объятия. Зайцев, как въяве, прожил секундный полет, обжигающий холод воды, тяжелеющие оковы одежды, непреодолимо тянущие ко дну. Сердце ударилось тяжело и редко, в животе все сжалось.

«Что, струхнул?.. — ухмыльнулся он. — Стоило лишь встать с другой стороны ограждения — а как все поменялось...»

Он еще немного подался вперед. Вдруг правая нога соскользнула с узкого края, махнула над пустотой в поисках опоры — Зайцев и стоял-то, в общем, на пятках. Пальцы судорожно сжались, в вывернутом плече хрустнуло, проткнуло иглой, Зайцев вскрикнул от боли, но удержался, и эта боль была последнее, на что он обратил внимание. Сердце перестало биться, дыхание перехватило, будто кто-то ударил под дых.

Зайцев снова нащупал ногой мост, рывком развернулся к поручню животом, прижался к нему, как к самому дорогому на свете существу. Он мгновенно и всем телом вспотел, сердце колотилось теперь часто-часто, как мотор, во рту пересохло.

Послышался визг тормозов, хлопок двери, быстрые шаги.

— Эй! Ты чего это там?!

Не дожидаясь ответа, человек уже захватил Зайцева под мышками, потянул к себе. Зайцев обессиленно сел на корточки, привалился к ограждению спиной.

— Так... Показалось, будто человек внизу, — пробормотал чужим, механическим голосом.

— Показалось... Так недолго и самому кувыркнуться.

Мужчина тоже глянул за парапет и направился к машине.

Зайцев проводил его взглядом, встал и пошел домой, уже не глядя на реку.